

Не говори никому. Реальная история сестер, выросших с матерью-убийцей

Автор:

[Грегг Олсен](#)

Не говори никому. Реальная история сестер, выросших с матерью-убийцей

Грегг Олсен

Tok. True Crime Story. Главный документальный триллер года

Бестселлер Amazon № 1, Wall Street Journal, USA Today и Washington Post.

ГЛАВНЫЙ ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ТРИЛЛЕР ГОДА

Несколько лет назад к писателю true-crime книг Греггу Олсену обратились три сестры Нотек, чтобы рассказать душераздирающую историю о своей матери-садистке. Всю свою жизнь они молчали о своем страшном детстве: о сценах издевательств, пыток и убийств, которые им довелось не только увидеть в родительском доме, но и пережить самим. Сестры решили рассказать публике правду: они боятся, что их мать, выйдя из тюрьмы, снова начнет убивать...

Как жить с тем, что твоя собственная мать – расчетливая психопатка, которой нравится истязать своих домочадцев, порой доводя их до мучительной смерти? Каково это – годами хранить такой секрет, который не можешь рассказать никому? И как – не озлобиться, не сойти с ума и сохранить в себе способность любить и желание жить дальше? «Не говори никому» – это психологическая триллер-сага о силе человеческого духа и мощи сестринской любви перед лицом невообразимых ужасов, страха и отчаяния.

Вот уже много лет сестры Сэми, Никки и Тори Нотек вздрагивают, когда слышат слово «мама» – оно напоминает им об ужасах прошлого и собственном несчастливом детстве. Почти двадцать лет они не только жили в страхе от вспышек насилия со стороны своей матери, но и становились свидетелями таких жутких сцен, забыть которые невозможно.

Годами за высоким забором дома их мать, Мишель «Шелли» Нотек ежедневно подвергала их унижениям, побоям и настраивала их друг против друга. Несмотря на все пережитое, девушки не только не сломались, но укрепили узы сестринской любви. И даже когда в доме стали появляться жертвы их матери, которых Шелли планомерно доводила до мучительной смерти, а дочерей заставляла наблюдать страшные сцены истязаний, они не сошли с ума и не смирились. А только укрепили свою решимость когда-нибудь сбежать из родительского дома и рассказать свою историю людям, чтобы их мать понесла заслуженное наказание...

«Преступления, совершаемые в семье за закрытой дверью, страшные и необъяснимые. Порой жертвы даже не задумываются, что можно и нужно обращаться за помощью. Эта история, которая разворачивалась на протяжении десятилетий, полна боли, унижений и зверств. Обществу пора задуматься и начать решать проблемы домашнего насилия. И как можно чаще говорить об этом». – Ирина Шихман, журналист, автор проекта «А поговорить?», амбассадор фонда «Насилию.нет»

«Ошеломляющий триллер о сестринской любви, стойкости и сопротивлении». – People Magazine

«Только один писатель может написать такую ужасающую историю о замалчиваемом насилии, пытках и жутких серийных убийствах с таким изяществом, чувствительностью и мастерством... Захватывающий психологический триллер. Мгновенная классика в своем жанре». – Уильям Фелпс, Amazon Book Review

Понравилась книга? Знаем, что стоит прочитать дальше! На последней странице или в PDF-приложении вы найдете секретный промокод на скидку 40%

Грегг Олсен

Не говори никому: реальная история сестер, выросших с матерью-убийцей

Посвящается Никки, Сэми и Тори

Gregg Olsen

If You Tell: A True Story of Murder, Family Secrets, and the Unbreakable Bond of Sisterhood

Text copyright © 2019 by Gregg Olsen All rights reserved.

Cover design by Rex Bonomelli

This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency

«Преступления, совершаемые в семье за закрытой дверью, страшные и необъяснимые. Порой жертвы даже не задумываются, что можно и нужно обращаться за помощью. Эта история, которая разворачивалась на протяжении десятилетий, полна боли, унижений и зверств. Обществу пора задуматься и начать решать проблемы домашнего насилия. И как можно чаще говорить об этом».

ИРИНА ШИХМАН,

журналист, автор проекта «А поговорить?», амбассадор фонда «Насилию.нет»

© Ирина Голыбина, перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

От автора

Воспоминания разных людей, словно фрагменты головоломки, не всегда совпадают точно. Я сделал все возможное, чтобы совместить разрозненные части этой запутанной истории с максимальной аккуратностью. При написании диалогов я опирался на следственные документы и отрывки из показаний, которые брали у участников описываемых событий в течение двух лет. Наконец, из соображений конфиденциальности я решил изменить имя Лары Уотсон.

Пролог

Три сестры.

Ныне взрослые женщины.

Все живут на северо-западе Тихоокеанского побережья.

Старшая, Никки, – в богатом пригороде Сиэтла, в роскошном доме с паркетными полами и суперсовременной мебелью. Ей слегка за сорок, она замужем и воспитывает прекрасных детей. Достаточно взглянуть на семейные фотографии в гостиной, чтобы стало ясно: им с мужем удалось построить для себя прекрасную жизнь, создать преуспевающий бизнес и сохранить верные нравственные ориентиры.

Но достаточно одного слова, чтобы для Никки ожил былой кошмар.

«Мама».

Она вздрагивает каждый раз, когда слышит его – слово, которое словно когтями скребет ей по сердцу, пока не потечет кровь.

Если не знать, что ей пришлось пережить, догадаться просто невозможно. Собственно, этого никто и не знает, за исключением ближайших родственников. И дело не в том, что она умело притворяется, а в ее невероятной стойкости. То, что случилось с Никки, сделало ее сильнее. Превратило в ту невероятную женщину, которой она является сегодня.

Средняя дочь, Сэми, недавно вновь поселилась в их родном прибрежном городке в штате Вашингтон, где все и случилось. Ей слегка за сорок, и она преподает в местной начальной школе. У нее вьющиеся волосы и отличное чувство юмора. Юмор – ее оружие. И был им всегда. Как и у старшей сестры, дети Сэми олицетворяют собой все, о чем только может мечтать мать. Они умные и решительные. И очень любимые.

Когда по утрам Сэми принимает душ, перед тем как отправить детей в школу и самой убежать на работу, она не ждет ни секунды, чтобы дать воде нагреться, а сразу ныряет под ледяные струи. Как Никки, Сэми накрепко привязана к прошлому. И не может избавиться от него.

Не может забыть.

Младшая сестра, как и старшие, настоящая красавица. Тори, роскошной блондинке с непокорным нравом, только-только исполнилось тридцать. Она живет чуть дальше, в Центральном Орегоне, но поддерживает тесные отношения с сестрами. Испытания, которые они вместе прошли, навеки связали их вместе. Несмотря на молодость, Тори построила прекрасную карьеру и сейчас ведет онлайн-проекты одного из главных игроков в отельной индустрии. Ее посты в социальных сетях, личных или рабочих, невозможно читать без улыбки, а то и искреннего смеха.

Конечно, она всего добилась сама, но без сестер вряд ли бы справилась.

Если вдруг в супермаркете, в отделе хозяйственных товаров, ее взгляд падает на полку с отбеливателями, она поспешно отворачивается. Ей невыносимо на них смотреть. Невыносимо вдыхать их запах. Как и сестер, ее могут выбить из колеи самые обычные вещи – скотч, обезболивающие, звук работающей газонокосилки, – возвращающие их во времена, когда мать творила с ними вещи, которые они поклялись навечно сохранить в тайне.

Они выжили, и это неразрывно связало их вместе. И пусть отцы у них разные, они на сто процентов родные сестры. Не просто единоутробные. Это родство было единственным, на что сестры Нотек могли полагаться, и единственным, что мать не сумела у них отнять.

И оно спасло им жизни.

Часть первая

Мать. Шелли

Глава первая

Есть такие города, история которых начинается с крови и предательства. Бэттл-Граунд в штате Вашингтон, в двадцати милях к северо-востоку от Ванкувера, на границе с Орегоном, – один из них. Он назван в честь печального инцидента с участием индейцев из племени Кликитат и американской армии. Индейцы, не желавшие сидеть в заточении в бараках, требовали освобождения и были готовы уступить свои территории, но во время мирных переговоров прозвучал выстрел. Индейский вождь, Умтух, погиб.

Город, построенный на землях, отнятых силой оружия и ложных обещаний, как нельзя лучше подходил для Мишель «Шелли» Линн Уотсон Ривардо Лонг Нотек.

Ведь на тех же основаниях она строила собственную жизнь.

Для тех, кто жил там в 1950-х, Бэттл-Граунд был образцовым американским небольшим городком с прекрасными школами, добродушными соседями и лигой боулинга, устраивавшей соревнования по пятницам и субботам. Мужья много работали, чтобы позволить себе дорогую машину и хороший дом. Жены в основном занимались хозяйством и воспитывали детей; некоторые со временем возвращались на работу или возобновляли учебу в Колледже Кларк, чтобы реализовать планы, от которых их отвлекли семейные заботы.

Если кто в Бэттл-Граунд мог претендовать на звание завидного жениха, так это отец Шелли.

Ростом под два метра, широкоплечий, Лес Уотсон, лучший выпускник местной старшей школы и футбольная звезда, пользовался в городке огромным успехом.

Все его знали. Он был умен, умел очаровывать, прекрасно говорил и считался мастером соблазнения. Красавчик Лес, мечта каждой девушки. Совместно с матерью он владел и управлял двумя домами престарелых, а еще имел в личной собственности боулинг на десять дорожек с баром на двенадцать посадочных мест.

Тем самым, куда в 1958 году пришла работать Лара Столлингз. Она только что закончила старшую школу в Форт-Ванкувер и теперь подавала гамбургеры, чтобы накопить на колледж. Девушка собирала светлые вьющиеся волосы на макушке в высокий хвост, который задорно подпрыгивал, когда она разносила заказы. С блестящими голубыми глазами, Лара была настоящей красоткой. И умницей. Позднее она не раз повторяла, что сама не знала, что делает, когда согласилась сначала встретаться, а потом выйти замуж за Леса Уотсона.

Лес был старше ее на десять лет, но солгал невесте, которой еще не исполнилось двадцати, что между ними всего четыре года разницы.

«Он поймал меня в свои сети, – говорила Лара много лет спустя, сожалея о сделанном тогда выборе. – Подцепил на крючок, завлек обманом. Он был совсем не тем, кем казался».

Возвращение в реальность произошло в тот день, когда она завернула волосы французским узлом – как Типпи Хедрен в «Птицах» Хичкока – и официально вступила в брак с Лесом в ходе гражданской церемонии в своем родном Ванкувере в 1960 году. Присутствовали только родные Лары, хотя ее родители возражали против этого брака. У Леса имелись веские причины не приглашать никого из своих.

Они знали, что будет дальше.

Когда на следующее утро зазвонил телефон, трубку подняла Лара. Звонила первая жена Леса из Калифорнии.

– Когда вы приедете за этими чертовыми детьми? – прошипела Шэрон Тодд Уотсон.

Лара не поняла, о чем идет речь.

– Что?

Лес никогда не говорил ей, что обещал Шэрон забрать у нее детей: Шелли, Чака и Пола Уотсонов. Такая забывчивость была для него вполне типична, и теперь Лара понимала, что ничего уже не исправить и что опасения ее родителей подтверждаются.

После того утреннего звонка Лес объяснил Ларе, что его бывшая жена, Шэрон, не может растить детей: она алкоголичка и страдает депрессией. Лара сделала глубокий вдох и кивнула головой. Да и что, собственно, она могла возразить? То были дети ее мужа, и она понимала, что должна их принять.

Но это оказалось непросто. На момент приезда Шелли было шесть лет, а Чаку едва исполнилось три. Лара взяла на себя роль мачехи; младшего сына, Пола, который был еще слишком мал, Шэрон решила оставить себе. Шелли оказалась очень хорошенькой девочкой с большими глазами и пышными волосами темно-рыжего оттенка. Однако между ней и ее братом творилось что-то странное: Чак все время молчал, и за него говорила Шелли. Ларе показалось, что она полностью контролирует мальчика.

Когда Шелли немного обвыклась в новой обстановке, то начала постоянно жаловаться, а потом возмущаться.

«Она каждый день говорила мне в лицо, что меня ненавидит, – вспоминала Лара. – Я не шучу. Честное слово, ежедневно».

Шэрон Уотсон вернулась домой в Аламиду, Калифорния, оставив двоих старших детей с Ларой и Лесом осенью 1960 года. Уехала и пропала. Она никогда не звонила и не присылала открыток на дни рождения Шелли и Чака. Не поздравляла с Рождеством. Мало что в глазах Лары могло оправдать такое отношение «с глаз долой – из сердца вон» к собственным детям, но, судя по всему, его корни уходили во времена задолго до того, как мать Шелли вышла замуж за Леса Уотсона, а потом с ним развелась.

«Она была из неблагополучной семьи, – рассказывала Лара о первой жене Леса. – Ее мать выходила замуж то ли пять, то ли семь раз, и она была ее единственным ребенком. Вроде бы ее сестра-близнец умерла при родах. Уж не знаю, правда это или нет, но мне так рассказывали».

Вне зависимости от того, что к этому привело, у Шэрон, помимо алкоголизма, имелись и другие проблемы, тянувшие ее на дно. Она вела опасную жизнь; родные поговаривали, что Шэрон подрабатывает проституцией.

Наконец, весной 1967 года Уотсонам в Бэттл-Граунд позвонили из департамента шерифа округа Лос-Анджелес. Детектив сообщил, что Шэрон убили в номере дешевого мотеля, и коронеру нужен кто-то, кто сможет опознать тело и забрать ребенка, ее младшего, Пола.

Лес не хотел ехать за сыном, зная о его психических проблемах, но Лара настаивала. Она считала, что так будет правильно. В конце концов они отправились в Калифорнию забрать его и опознать тело Шэрон.

Лес сообщил Ларе все, что узнал в полиции и у коронера.

«Она жила с индейцем, но они были бездомные, – сказал он. – Пили. Бродяжничали на Скид-Роуд. Он забил ее до смерти».

Позднее, когда прах Шэрон прислали в штат Вашингтон, ее мать отказалась забрать урну. Никто не захотел устраивать поминальную службу в ее честь. Как бы трагично это ни звучало, такой конец подходил для ее истории. В потертом старом семейном альбоме осталось лишь несколько снимков Шэрон, практически все – без улыбки. Черно-белые фото, на которых она навек застыла в своем привычном унынии.

Когда Шелли сказали, что произошло с ее матерью, тринадцатилетняя девочка не повернула и головы. Не отреагировала вообще никак. Лара подумала, что это странно. Как будто Шелли и Шэрон были друг другу чужими.

«Она никогда и не спрашивала о матери», – вспоминала Лара.

Глава вторая

Новый член семьи Уотсон привез с собой в Бэттл-Граунд уйму проблем. Пол оказался совершенно невоспитанным и поступал так, как ему заблагорассудится. Не мог усидеть за столом во время обеда. На первый или второй день после приезда Лара застала мальчика на кухне: забравшись на столешницу, он по очереди открывал все ящики в поисках еды, а все, что ему не подходило, рассыпал и разливал на пол.

«Пол вел себя как дикарь, – говорила Лара. – Как животное. И таскал с собой складной ножик. Это правда, я не шучу. Уж поверьте».

Лара делала все, что было в ее силах, но практически с самого начала понимала, что не справляется. Лес занимался бизнесом, и она не винила мужа за то, что он проводит мало времени с детьми, но выбивалась из сил, пытаясь как-то уследить за всеми тремя: злобной Шелли, своенравным Полом и молчаливым Чаком. Чак, который по-прежнему ничего не говорил, предоставляя это сестре, держался в семье особняком. Те, кто знал его мать, предполагали, что он подвергся насилию с ее стороны, хотя в 1960-х обсуждать такие темы было не принято.

«Сосед мне как-то сказал, они часто видели, как Чак стоит у открытого окна и плачет, – вспоминала Лара. – Кажется, он там торчал постоянно».

Но как бы тяжело Ларе ни было с Полом и Чаком, наибольшую проблему для нее представляла Шелли.

Уотсоны очень старались проводить время по выходным всей семьей, сосредоточившись на детях, к которым теперь добавились еще дочь и сын, родившиеся у Леса с Ларой. Летом они регулярно ездили на побережье поплавать на лодках, зимой катались на лыжах с горы Маунт-Худ. Их жизнь можно было бы назвать счастливой, если бы не Шелли.

Она провоцировала ссоры, вступала в драки и могла просто отказаться куда-то ехать или идти. Если идея принадлежала не ей, Шелли всегда была против. Она умела добиваться желаемого и выкручиваться из любой ситуации. Обычно с помощью лжи. Ее оправдания порой бывали просто смешными: например, если ей не хотелось делать домашнюю работу, она говорила, что младшие братья порвали тетрадь, в которой она все написала. Когда это уже не помогало, Шелли просто отказалась ходить в школу.

«Я старалась сделать так, чтобы утром ей легче было собираться, – вспоминала Лара. – С вечера готовила ей одежду, чтобы она не выбирала в спешке, в последнюю минуту. Ставила на стол хлопья и фрукты – пожалуйста, можно есть. Что угодно была готова сделать, лишь бы утро прошло гладко. Но ничего не помогало. Шелли не хотела делать то, что не хотела».

Наконец, мрачная и раздраженная, Шелли отправлялась в школу, и ежеутренняя битва заканчивалась.

По крайней мере, Лара так считала.

«Потом нам позвонили с заправки за углом, по пути к школе. Сказали: «Это просто черт знает что такое! Ваша девочка повадилась заходить к нам по утрам: идет прямиком в туалет и несет с собой одежду». Потом говорят: «Мы посмотрели, а у нее тут целый мешок вещей. Она переодевается и оставляет их, а сама идет в джинсах».

Лара прыгнула в машину и поехала на бензоколонку. То, что она там увидела, ее потрясло.

Шелли и правда накопила в туалете кучу вещей. «Там было штук пять ее платьев и юбок. Все новые, красивые, просто Шелли не желала носить их в школу».

Разногласия между Шелли и Ларой касались не только одежды, хотя Лара всячески старалась отыскать к падчерице правильный подход. Когда Шелли стала старше, Лара записала ее на уроки танцев, но половину репетиций Шелли пропускала, категорически отказываясь идти. И концерты тоже.

«У нее все превращалось в проблему. Любая мелочь. Шелли вечно казалась расстроенной и угрюмой, что бы мы ни делали, куда бы ни ехали. Ничто ей было не мило. Даже если мы шли выбирать ей подарок, она все равно постоянно злилась. Я спрашивала: «Почему ты сердишься?» Она не отвечала, но я понимала по ее поведению, что, как бы мы ни старались, ей все будет мало».

Со временем поведение Шелли из презрительного и неблагодарного стало мстительным и жестоким. Она ревновала к другим детям. Любое проявление внимания к ним считала небрежением к себе. И мстила за это. Иногда даже не

жестоко, а садистски. Лгала насчет других членов семьи, воровала деньги, даже попыталась устроить пожар.

Годы спустя Лара с глубоким вздохом признала: «Она могла подложить осколки стекла в обувь братьям и сестрам. Каким человеком надо быть, чтобы так поступать?»

Но пример находился у Лары прямо перед глазами. Анна, бабушка Шелли по отцовской линии, была именно такой.

Глава третья

Каждый раз, когда Лара встречалась со свекровью, Анной Уотсон, у нее по спине пробегал холодок, и она изо всех сил старалась избежать взгляда злобных акульих глаз. Анна проходила мимо, и Лара невольно вздыхала с облегчением. Да еще с каким! Анна Уотсон казалась мачехе Шелли настоящим чудовищем.

Она родилась в Фарго, в Северной Дакоте, и переехала в округ Кларк подростком. Бабка Шелли по отцовской линии была высокой и крупной, с мускулистыми руками; узловатые вены проступали у нее на шее, сбегая вниз, в вырез простой белой блузки. Анна весила больше 120 килограмм и приволакивала левую ногу, скребя ей по полу – по этому звуку люди узнавали о ее приближении. Самоуверенность Анны, как и ее габариты, подавляла всех вокруг. Она всегда и во всем была права, никто не смел с ней спорить. Даже Лес, не говоря уже о его молоденькой жене Ларе. Анна управляла одним из домов престарелых, принадлежавших Уотсонам, и там все делалось, естественно, по ее правилам. О ее стиле руководства говорили, что она «правит железной рукой».

Муж Анны, Джордж Уотсон, был полной противоположностью жены. Добрый. Обаятельный. Снисходительный, даже чересчур. На полголовы ниже ее. Джордж всегда слушался жены. Больше двадцати лет он спал в сарайчике два на два метра возле задней двери, ведущей на кухню. В доме он не ночевал, потому что Анна настаивала, чтобы муж спал в сарае.

Незадолго до того, как Лес с Ларой поженились, в один из домов престарелых, которым владели Уотсоны в Бэттл-Граунд, приехали на работу две женщины из Западного государственного госпиталя близ Такомы. Их звали Мэри и Перли, но Анна окрестила их дебилками. Она издевалась над ними, как злая королева над последними из служанок. Им давались самые унижительные поручения, какие только могут быть в доме престарелых, а таких там в достатке.

С точки зрения Лары, Анна использовала этих женщин как рабынь. У себя дома она заставляла их делать уборку, мыть посуду, натирать полы. Могла приказывать немедленно бросить работу, которой они занимались, чтобы вымыть ей ноги или расчесать волосы. Если женщины исполняли ее поручения недостаточно быстро, Анна толкала их, пинала и таскала за волосы.

Однажды, заехав к Анне забрать Шелли, Лара увидела, что одна из них, Мэри, чем-то сильно расстроена. У Перли все волосы были мокрые – она обернула голову полотенцем. Лара спросила Мэри, что случилось, и та рассказала, что Анна в гневе куда-то уехала из дома, забрав с собой Шелли. Она до того разозлилась на Перли, что окунула ту головой в унитаз и несколько раз спустила воду.

Лара была поражена. Она никогда с подобным не сталкивалась.

– Но почему она так поступила? – спросила она Мэри.

– Она часто так делает, когда злится, – ответила та.

«Они обе очень боялись Анну», – позднее вспоминала Лара.

И не только они.

Все, за исключением разве что маленькой Шелли.

Лара начала работать в доме престарелых вскоре после того, как дети Леса переехали жить в Бэттл-Граунд. Вообще, она собиралась поступить в колледж, но эти планы рухнули с ее внезапным материнством. Поскольку школа Шелли находилась неподалеку от дома престарелых, Шелли частенько отправлялась к бабушке Анне, вместо того чтобы сесть в школьный автобус и вернуться домой.

Лара звонила спросить, там ли она, и Анна начинала распекать невестку за то, что она не следит за ее внучкой, которую только у бабушки могут «нормально» накормить или искупать.

- Не надо было мыть ей голову, Анна.

- Так ты же не умеешь! Вон она какая грязная.

Анна всегда знала, что лучше для Шелли.

Собственно, что лучше для всех.

Ларе приходилось держать язык за зубами – в этом она со временем стала настоящим асом.

Однажды, приехав за Шелли, Лара обнаружила, что та лишилась своих роскошных волос. Бабушка Анна стояла над внучкой с ножницами в руках и язвительно ухмылялась. Шокированная, Лара спросила:

- Что произошло?

Анна в ответ закричала:

- Ты ее толком не расчесываешь! Пришлось все отрезать!

Она обкорнала шевелюру внучки под корень. Это выглядело ужасно. Шелли сидела совсем подавленная.

- У нее очень густые волосы, – сказала Лара, прекрасно понимая, что Шелли станет винить ее за то, что натворила бабка. – Я расчесываю их каждый день, – попыталась она возразить, глядя в глаза Шелли, которая поднимала крик всякий раз, когда к ней приближались с расческой.

Бабушка Анна презрительно скривилась и, развернувшись, пошла прочь, волоча за собой хромую ногу по натертым полам. Она сделала то, что хотела сделать. Приносить несчастье другим людям было для нее любимым развлечением.

Лара поняла это уже тогда. Шелли и бабушка Анна стали неразлучными и верными соратницами. Хотя временами Шелли тоже доставалось, она считалась единственной бабушкиной любимицей. Ее тень, ее копия, внимательно следящая за всем, что делала Анна Уотсон.

Со временем Шелли покажет, какой хорошей ученицей была.

Глава четвертая

Первый удар Шелли нанесла незадолго до того, как ей исполнилось пятнадцать. Она напала неожиданно, как опытный полководец, хорошо знающий, как нанести противнику наибольший ущерб.

В один из мартовских дней 1969 года Шелли не вернулась домой из школы. Раньше ей случалось опаздывать, но в тот день все было по-другому. Она задержалась гораздо дольше обычного. Лара в своей безупречно чистой кухне раз за разом поглядывала на часы. Барабанила пальцами по столу.

Где ты, Шелли?

Чем ты занимаешься?

С кем?

Совсем растревожившись, мачеха Шелли позвонила, наконец, в приемную директора школы и от того, что ей ответили, на мгновение лишилась дара речи. Шелли не вернулась домой, потому что ее отвезли в Центр ювенальной юстиции в Ванкувере. Девочка, которой через месяц должно было исполниться пятнадцать, сообщила воспитателю в школе, что у них дома творится неладное, и она больше не может это терпеть.

– О чем вы говорите? – возмутилась Лара, когда секретарь директора отказалась сообщить ей детали. – Вы должны мне сказать, в чем дело.

– Мне больше нечего добавить, – холодным тоном ответила женщина на другом конце провода. Это встревожило Лару еще больше.

Она повесила трубку и немедленно перезвонила мужу, Лесу, в дом престарелых, велев срочно ехать домой. Голос ее звучал сухо и резко. «Сейчас же, – сказала она. – С Шелли что-то произошло».

Еще один звонок в Центр ювенальной юстиции, и Уотсоны выехали в Ванкувер, чтобы выяснить, наконец, что случилось в школе тем утром.

«Никто нам ничего не говорил», – вспоминала Лара позднее, разглядывая фотографии Шелли – сначала девочки, потом подростка. Ее красота сразу приковывала взгляд: рыжие волосы обрамляли личико с веснушчатым носом, а темные ресницы вокруг голубых глаз напоминали густотой бахрому морских анемонов. Но Ларе эта красота казалась сродни ягодам белладонны – с виду вкусные, на самом деле они таят в себе опасность.

Невинность. Красота. Притворство.

Лара не находила себе места.

«Я даже позвонила директору домой, но и он ничего не захотел объяснить. Я думала, Шелли что-то украла: она и раньше таскала мои вещи и деньги из кошелька. Думала, она вытащила кошелек у кого-нибудь из одноклассников или что-то в этом роде. Просто не могла представить, что она вытворила на этот раз».

Это было тяжело. Мучительно. Наверняка случилось что-то очень-очень плохое.

Когда Уотсоны добрались до Центра ювенальной юстиции в Ванкувере, то первым делом потребовали встречи с дочерью, но руководство центра им отказало.

– Она дает показания, – сообщили им.

– Какие показания? – спросил Лес.

– Шелли обвиняет вас в том, что вы ее изнасиловали, – ответил мужчина с мрачным лицом.

У Леса глаза вылезли из орбит, а лицо стало пунцовым от гнева. Но он сумел сдержаться.

– Бог мой! – воскликнул он. – Но зачем она все это выдумала?

Лара, стоявшая рядом с мужем, ощущала одно лишь отвращение. Это было самое мерзкое обвинение, какое ей приходилось слышать в жизни. Шелли славилась своей изощренной ложью, но тут онахватила через край. Для Лары не являлось секретом, что у людей могут иметься претензии к ее мужу, но насильником его никто никогда не выставлял.

– Наверное, она просто не знает значения этого слова, – выдавила из себя Лара наконец, погладив Леса по руке.

– Мы должны немедленно ее увидеть, – настаивал он.

– Ни в коем случае, – отрезал надзиратель. – Это невозможно. Здесь расследуется преступление.

Лес вскинул руки вверх.

– Отлично. Тогда мы звоним своему врачу. Попросим, чтобы он ее осмотрел. Сейчас же.

Семейный доктор Пол Тернер велел привезти Шелли в больницу Святого Иосифа в Ванкувере, а супруги Уотсон вернулись в Бэттл-Граунд.

Тем вечером Лора пошла к Шелли в спальню. Она даже не знала, что ищет. Возможно, ответ? Правду. Хоть что-нибудь. Как обычно, в комнате был жуткий беспорядок: разбросанная одежда, грязные тарелки... Повсюду валялись обрывки бумаги. Листы из блокнотов. Шелли считала себя поэтессой и постоянно что-то писала, но на клочках, которые подбирала Лара, не было никаких подсказок. Потратив на них некоторое время, она решила заглянуть под кровать, нагнулась и приподняла матрас. Под ним, на пружинной сетке, ее

пальцы нащупали край журнала. Лара вытащила его и охнула, словно получив удар под дых.

На потрепанной обложке «Подлинных историй» красовался заголовок: «В 15 ЛЕТ МЕНЯ ИЗНАСИЛОВАЛ ОТЕЦ».

Лара почувствовала, что внутри у нее все закипает. То, что обвинение Шелли в точности повторяло содержание статьи, никак не могло быть совпадением.

- Посмотри, - сказала она Лесу, протягивая свою находку.

От гадливости и возмущения он затряс головой. Обвинение выбило почву у него из-под ног, но действия дочери внушали еще большую тревогу.

- Да что с ней такое? - несколько раз спросил он.

Лара не знала. Она никогда не слышала, чтобы люди выдумывали столь убийственную ложь. Это просто не имело смысла.

На следующее утро, когда доктор Тернер прибыл в госпиталь для проведения осмотра, Лара показала ему журнал.

- Она все выдумала.

С точки зрения Уотсонов, журнал являлся доказательством того, что в действительности ничего не случилось и Шелли все выдумала, прочитав ту ужасную историю. Но это был не просто очередной эпизод в драме, которую Шелли разыгрывала перед ними. Лес и Лара понимали, что им придется что-то предпринять. У них были еще дети. Лес строил успешную карьеру. Недавно он стал президентом торговой палаты. Если хоть кто-то прознает о выдумке Шелли, скандала не миновать.

- Лара, все очень плохо, - сказал Лес, пока они стояли в коридоре перед палатой.

Лара тяжело вздохнула.

– Это же Шелли, – ответила она. – С ней всегда так.

Через некоторое время доктор Тернер вышел к ним сообщить результаты осмотра.

– Девочку никто не трогал, – объявил он. – У нее нет никаких повреждений. Вообще ничего. К ней и пальцем не прикасались.

Тем же вечером Шелли отпустили домой, но с одним условием.

– Вашей дочери требуется серьезная психологическая помощь, – сказал Уотсонам надзиратель Центра ювенальной юстиции. – Ей нужен психолог.

К сожалению, сеансы семейной терапии и встречи с психологом один на один не принесли успеха. Шелли и думать не хотела, что у нее есть проблемы, которые необходимо решать. Даже когда ей говорили правду в лицо, она продолжала настаивать, что ни в чем не виновата. Как всегда. Лара и Лес поняли то, что в конце шестидесятых – начале семидесятых годов еще мало кто признавал: невозможно помочь человеку, который считает, что не нуждается в помощи. Шелли так и не признала, что выдумала ту историю с изнасилованием. Похоже, она даже не понимала масштабов того, что собиралась сотворить со своим отцом.

Все выглядело так, будто она бросила гранату прямо в центр их семейного круга, и теперь наслаждалась вниманием, которое в результате получила.

Шелли хотела вернуться в старшую школу Бэттл-Граунд, но администрация отказалась принять ее назад.

– Ты сожгла все мосты, – заявил директор. Шелли смотрела на него пустыми глазами. Лес и Лара стояли рядом с ней. – Мы не хотим, чтобы ты возвращалась. Нам не нужны новые проблемы.

Услышав это, Уотсоны не на шутку разволновались. Шелли всего пятнадцать – она должна ходить в школу. Лара сразу же попыталась зачислить ее в «Энни Райт», престижную и дорогую школу-пансион в Такоме, но и оттуда пришел

отказ.

– Они запросили ее личное дело, – позднее рассказывала Лара. – И отказали наотрез.

Уотсоны, обладавшие солидным доходом, готовы были отдать все что угодно, лишь бы удалить Шелли из Бэттл-Граунд и посадить за парту где-то в другом месте. Где угодно. Наконец ее удалось устроить в школу в Худспорте, штат Вашингтон, и поселить у родителей Лары, которые быстро научились ходить вокруг Шелли на цыпочках. Никто не хотел, чтобы она демонстрировала свой характер. Трудно было даже представить, что девчонка выкинет в следующий раз. Она была непредсказуемой. Могла прятать злобу под внешней заботой. Например, вызывалась помочь матери Лары с мытьем посуды, но в результате выбрасывала грязные тарелки, приборы и даже кастрюли и сковородки в мусорный бак. Находясь в добром расположении духа, Шелли ограничивалась тем, что протирала их полотенцем, вместо того чтобы мыть.

Как-то раз она объявила, что очень любит детей, и вызвалась сидеть с малышами соседей. Мало того, по ее словам, дети нравились ей настолько, что и денег платить было не нужно. Ей нравилось изображать из себя славную, заботливую девочку. Но продлилось это недолго. Вернувшись вечером домой после недолгой отлучки, соседи обнаружили, что их дети, одетые, сидят на кроватях, и выслушали рассказ о том, как Шелли забаррикадировала их в комнате, заставив мебелью дверь.

Проведя несколько недель под крышей бабушки с дедом, она начала срываться и на них. «У моих родителей никогда не было проблем с другими внуками, – говорила Лара много лет спустя после того, как Шелли вернулась в Бэттл-Граунд. – Позднее я узнала, что мои родители очень обрадовались, когда учебный год закончился, и они смогли отправить Шелли назад домой». Со временем выяснилось, что Шелли успела обвинить отца Лары в домогательствах. «Я узнала, что Шелли рассказывала соседям, будто дедушка к ней пристает. Они тут же сообщили моей маме». Лара была потрясена. «Я просто не могла понять ее вечного стремления разрушать чужие жизни».

Глава пятая

Лара Уотсон вся внутренне подбиралась каждый раз, когда в доме звонил телефон, боясь, что ей сообщат об очередной выходке Шелли – новой попытке падчерицы разрушить все, что Лара создавала с таким трудом. Лара была сильна духом. Умела ладить с людьми. Всегда надеялась на лучшее. Но даже когда Шелли не жила с ними, брак Уотсонов трещал по швам. Семейный бизнес требовал постоянного внимания, и Лес вечно пропадал на работе. Там он мог себя проявить с лучшей стороны. Лара же погрязла в рутине, воспитывая пятерых детей – двух общих с Лесом и трех от его первой жены, Шэрон. Старшие дети вносили хаос в их семейную жизнь, хоть и не до такой степени, как Шелли. Чак был по-прежнему тихим и робким. Лара часто сажала мальчика себе на колени и читала ему книги или слушала, как он делал вид, что читает ей. Но как только он пытался что-то сказать, Шелли оказывалась тут как тут и говорила за него. В школе у Чака тоже были проблемы. Пол оказался таким же записным вруном, как его старшая сестра. Шелли полностью подчинила себе Пола, а тот, следуя примеру сестры, пытался во всем контролировать Чака. Складывалось впечатление, что старшие дети объединились в банду, во главе которой встала, конечно же, Шелли.

Пчелиная королева.

Та, кто всегда знает, как лучше.

Копия ее бабушки Анны.

Шелли славилась своим умением всюду устраивать раздор и хаос. С самого начала было ясно, что по возвращению из ссылки назад в Бэттл-Граунд она примется за старое, и семье это не пойдет на пользу. Половину лета Лара потратила на поиск школы, куда Шелли согласились бы принять осенью. Отовсюду сыпались отказы. Лара совсем уже отчаялась, когда ей наконец позвонили из пансиона Святой Марии в Бивертоне, Орегон, в сорока минутах езды от Бэттл-Граунд. Он располагался не так далеко, как хотелось бы Ларе, но это был лучший вариант из их очень ограниченного списка.

Позднее она призналась, что скрыла часть информации о Шелли, записывая ее в ту школу, потому что не видела другого выхода. Лара надеялась, что строгие монахини сразу поймут, когда Шелли попытается ими манипулировать, и положат этому конец.

Через несколько недель сестры начали звонить Уотсонам и спрашивать, не заберут ли они Шелли на выходные.

«По пятницам мы заезжали за ней и всей семьей отправлялись в наш домик в горах покататься на лыжах. Я старалась не пропускать ни один уик-энд, хоть это и было сложно. Приходилось терпеть, стиснув зубы. Без нее нам жилось гораздо спокойнее. Даже мальчики, с которыми тоже хватало проблем, куда лучше себя вели».

Казалось, что чем больше они делают для Шелли, тем большего она требует. А если не получает желаемого – жди неприятностей.

«Сестры не хотели принимать ее на следующий год, – рассказывала Лара. – Говорили, что у нее проблемы с поведением».

Эти проблемы были ей хорошо знакомы.

По словам сестер, Шелли могла просыпаться по ночам с криками. Таскала у других девочек домашние задания и рвала их. Воровала вещи. Вспомнила даже свою старую партизанскую тактику: подсыпать битое стекло одноклассникам в туфли.

В конце учебного года сестра-администратор школы Сент-Мэри сообщила Лесу и Ларе, что на следующий год они Шелли не возьмут.

«Мы готовы были заплатить сколько угодно, лишь бы они согласились, – говорила Лара. – Но нет. Сестры стояли на своем».

Летом в Бэттл-Граунд Шелли пошла на Лару в открытую атаку. Целыми днями говорила ей, как ее ненавидит и что желает ей лечь на кровать и сдохнуть. Лара, не в силах и дальше держать себя в руках, неоднократно напоминала падчерице, что и она тоже не подарок.

«Да что с тобой такое? – возмущалась она. – Ты вечно всем недовольна и ничего не умеешь ценить!»

Это была правда. Достаточно было посмотреть, как Шелли относилась к отцу. Он давал ей все, чего она пожелает. Несмотря на то, как она с ним обошлась, как пыталась облить грязью его имя, Лес обращался с Шелли как с маленькой принцессой.

И принцесса Шелли решила, что ей не место в Бэттл-Граунд.

Сестра Леса Уотсона, Кэти, оказалась следующей невинной и исполненной благих намерений душой, пожелавшей помочь семье Уотсонов. Шелли умела внушать людям жалость к себе и перетягивать их на свою сторону против всего мира. Ее мать убили. Отец – жестокий тиран. Мачеха над ней издевается. Кэти предложила забрать Шелли на лето после того, как девочка пожаловалась ей, что родители – особенно Лара – отвратительно с ней обращаются.

Лара подслушала часть их разговора. Собственно, Шелли и не стремилась его скрыть. Она говорила громко, чтобы было слышно всем.

«По телефону она рассказывала Кэти, какая я злая и жестокая, – вспоминала Лара. – Как я ничего ей не разрешаю и ничего не покупаю. Как оскорбляю ее».

Жалобы Шелли возымели успех.

У Уотсонов были пикап и дом на колесах; летом они собирались поехать в Диснейленд. Вся семья собрала вещи, они посадили Шелли в самолет и отлично провели каникулы без нее.

Через несколько недель Кэти позвонила сообщить, что Шелли им все рассказала. Они с мужем, Фрэнком, решили оставить «бедную девочку» на следующий учебный год у себя, на Восточном побережье, где Фрэнк, горный инженер, руководил угледобывающей компанией.

Лара поверить не могла в свою удачу. Она знала, что Шелли наврала тетке про свою жизнь в Бэттл-Граунде, но ей было все равно.

«Какое счастье! – подумала она тогда. – Бог наконец-то ответил на мои молитвы!»

Как оказалось, Восточное побережье стало для Шелли последней остановкой на кочевом пути из школы в школу и от одних родственников к другим.

– Это был ужас, – рассказывала Лара о двух годах, которые Шелли продержалась в теткиной семье. – Из-за нее у них возникли такие проблемы, что Кэти с Фрэнком в конце концов развелись.

Шелли нисколько этому не опечалилась. Она продолжала жить припеваючи. Ей не исполнилось и восемнадцати лет, когда она познакомилась со своим будущим мужем.

Глава шестая

Каждый мужчина знает, когда встречает ту самую девушку. Единственную. Ради которой готов на что угодно. Впервые Рэнди Ривардо встретился с Шелли Уотсон летом 1971 года, когда ей было семнадцать. Ничего не скажешь – настоящая красотка, эта новая девчонка. Шелли привлекла внимание многих местных парней, когда переехала жить к тетке в Моррисвилл, Пенсильвания, и поступила в старшую школу имени Франклина. Они с Рэнди начали встречаться, и это продолжалось весь ее выпускной год. Пара получилась прекрасная: Шелли с рыжими волосами и идеальной кожей и темноглазый Рэнди, унаследовавший от итальянских предков густую черную шевелюру. Но это был обычный школьный роман из тех, о которых приятно вспоминать в зрелые годы. После выпуска в 1972 году дороги их разошлись: Рэнди остался в Пенсильвании зарабатывать на колледж, а Шелли вернулась в Вашингтон, где начала работать помощницей медсестры в доме престарелых, принадлежавшем ее отцу.

Однако в конце лета школьная возлюбленная Рэнди вышла на связь. Оказалось, что она по нему очень скучает и хочет кое-что сообщить. Ее отец предлагает Рэнди работу.

– Не хочешь переехать в Бэттл-Граунд? – спросила она. – Папа готов тебя нанять техническим специалистом.

Рэнди колебался. Предложение, хоть и заманчивое, казалось очень уж неожиданным.

Шелли выложила на стол еще один козырь.

– Отец тебе предоставит квартиру бесплатно, – сказала она. – Сможешь быстрее накопить на учебу.

Это его убедило. За работу платили всего пять долларов в час, но, узнав стоимость обучения в колледже Кларк в Ванкувере, Рэнди решился и перебрался в Бэттл-Граунд, где Шелли встретила его с распростертыми объятиями.

Объятиями венериной мухоловки.

Как только он приехал, стало ясно, что у семьи Уотсон на Рэнди есть и другие планы – не только как на техника. Им требовался муж для Шелли. Говоря начистоту, к моменту, когда он въехал на своей машине в Бэттл-Граунд, со свадьбой было уже решено. Рэнди не обманул их ожиданий, немедленно заглотив наживку. Шелли говорила всем и каждому, как сильно его любит. Лес принял Рэнди как родного сына. Что бы ему ни потребовалось, Лес это давал – и даже с лихвой.

Однако Рэнди чувствовал, что что-то тут нечисто. Слишком уж отец Шелли торопился спихнуть дочь с рук.

«Они так спешили, что Лес даже выбрал мне свидетеля на свадьбе – у меня-то в тех краях друзей не было, – рассказывал Рэнди. – Все случилось очень быстро». Рэнди не был совсем уж тьюфяком, но тут решил плыть по течению. «Я просто согласился – пусть будет как будет».

Никто из друзей и родных Рэнди не приехал на свадьбу. Позднее оказалось, что причина была проста: Шелли не отослала им приглашения.

Шелли с Рэнди, оба девятнадцатилетние, поженились в феврале 1973 года в методистской церкви в Ванкувере. На Шелли было длинное белое платье с высоким воротником – той же модели, что на Оливии Хасси в роли Джульетты в

фильме 1968 года. Для жениха Шелли выбрала розовый смокинг. Прием устроили в старинном поместье Саммит-Гроув, в Риджфилде. Гости говорили, что церемония была великолепная – именно такая, о какой мечтала Шелли. Новобрачные, хоть и совсем юные, явно очень любили друг друга. По крайней мере, Рэнди так думал.

Медовый месяц молодожены провели в домике Уотсонов в горах Орегона – том самом, который Шелли так ненавидела в детстве, – а потом получили в свое распоряжение сорокафутовый трейлер, принадлежавший семье. Шелли была недовольна таким жильем, но Лара напомнила падчерице, что это всего лишь отправная точка для их дальнейшей жизни с Рэнди. Пока что у них нет доходов, чтобы позволить себе настоящий дом.

– Но я не хочу жить в трейлере! – раз за разом повторяла Шелли.

Вскоре после свадьбы она начала жаловаться на сильные менструальные боли и пропускать смены в доме престарелых. Ее «неприятности», как она их называла, тянулись практически весь месяц. Она являлась на работу, потом уходила, и так раз за разом. Наконец, как тяжело ему ни было, Лес принял решение уволить дочь.

«Работа и ответственность никогда не были ее сильными сторонами», – говорил Рэнди позже о своей молодой жене.

Шелли устроилась на работу к другим родственникам, тоже в дом престарелых. Однако там ситуация с прогулами повторилась, и ей указали на дверь.

«Она вернулась к отцу, – вспоминал Рэнди. – Ну прямо как шарик для пинг-понга».

В конце концов ее уволили окончательно и бесповоротно, но дома Шелли тоже никакой пользы не приносила. Она не готовила. Не наводила порядок. Единственное, что Шелли делала, это сочиняла разные сплетни и говорила всем, что им надо делать, а также без стеснения требовала того, что, по ее мнению, она заслуживала.

В этом Шелли была очень похожа на свою бабушку Анну.

Когда ей захотелось новую машину, она сделала то же, что и всегда, – обратилась к отцу. Неважно, что она едва не лишила его доброго имени, а то не причинила бед и похуже, сообщив властям, что он ее изнасиловал. Шелли считала, что об этом давно забыто. В действительности Уотсоны просто боялись ее и того, что она может натворить. Легче было давать Шелли то, что она хочет, лишь бы ее не будоражить. Если Шелли хотела пойти в кино, или на концерт, или на какой-нибудь праздник в городе, они немедленно отсчитывали ей нужную сумму.

Конечно, даже у Уотсонов были свои пределы. Лес преуспевал, но деньги не сыпались на него с неба.

С новой машиной Шелли еще раз показала отцу и мачехе, на что готова пойти, чтобы добиться желаемого.

Она хотела «Фольксваген-жук».

– Папа, я только такую машину хочу! Она мне просто обязательно нужна!

Лес согласился и поехал в Ванкувер посмотреть, что сможет найти. Но домой он вернулся не с «Фольксвагеном». В Бэттл-Граунд Лес приехал на автомобиле, который показался ему еще лучше, – это был почти новый бледно-розовый «Бьюик», кабриолет.

Шелли прищурилась и покраснела от гнева, став на несколько тонов темней цвета машины. Она топнула ногой. И устроила такой скандал, что в доме тряслись стекла. Кричала на отца, что он ей купил «тарантас для старых дев».

Лес был в растерянности. Он понимал, что просчитался, но такой реакции не ожидал.

Рэнди полагал, что машина прекрасная, но убедить в этом жену не мог. Шелли была безутешна.

То, что случилось дальше, потрясло всю семью.

Вечером Рэнди обнаружил Шелли бездыханной, в окружении пустых упаковок из-под снотворного и бутылки со спиртным. Когда он не смог привести ее в чувство, то в панике позвонил Уотсонам, и Шелли немедленно отвезли в Мемориальный госпиталь в Ванкувере. Все боялись, что она не выживет. Дежурный врач в отделении скорой помощи промыл ей желудок и сообщил родным, что в нем нашел.

«Она выпила пару таблеток аспирина, и все, – рассказывала Лора годы спустя. – Совсем немного. Никакого снотворного».

Однажды, вернувшись с занятий в колледже Кларк, Рэнди обнаружил их трейлер разгромленным, а жену в крови. Он бросился к ней.

– Что случилось?

– Какой-то мужчина ворвался в дверь, – всхлипывала Шелли. – Он напал на меня. изнасиловал. – Она показала мужу царапины на лице. – Потом схватил твое ружье и убежал.

Рэнди позвонил шерифу округа и отцу жены. Оба примчались через пару минут. Рэнди с Лесом остались снаружи, пока шериф допрашивал Шелли в трейлере.

Немного погодя, он вышел оттуда и с мрачным лицом сказал, что Шелли сама себя поцарапала. Никакого нападения не было. Он одарил Леса с Рэнди презрительным взглядом и сказал, что заводить на нее дело не будет.

Когда шериф уехал, Шелли снова передумала.

«Стала опять говорить, что ее изнасиловали, – рассказывал Рэнди. – Мол, шериф заставил ее отказаться от обвинения. А еще сказала, что видела, как тот мужчина закопал ружье неподалеку от дома».

В доказательство своих слов Шелли отвела мужа и отца к тому месту, где оно лежало.

– Вот здесь, – указала Шелли. – Здесь он его спрятал.

Рэнди не поверил ни слову из ее истории. И его тесть, судя по всему, тоже. А мачеха Шелли и подавно.

Шелли просто не хотелось больше жить в трейлере. Он был недостаточно для нее хорош. Боже, она же дочь Леса Уотсона! Она заслуживает лучшего.

«Она сказала, ей опасно дальше там жить, – закатывая глаза, вспоминала Лара спустя много лет. – Нет, ей нужен был красивый домик прямо в городе».

Шелли продолжала получать все, чего хотела. Она вела себя так, будто весь Бэттл-Граунд находился у нее в собственности. Оставляла неоплаченные счета на заправке и в магазинах. Подписывала чек за чеком. Со временем ее задолженность разрослась до таких размеров, что владельцы потребовали деньги с Рэнди. Он велел им никогда больше не давать ей ни пенни в долг, и они согласились. А потом все повторилось еще и еще.

Теперь Рэнди понимал, почему Лес так спешил принять его в семью. Он не просто выдавал замуж дочь, а перекладывал на чужие плечи огромную проблему.

Когда летом 1974 года Шелли объявила, что беременна, все ненадолго вздохнули с облегчением.

Может, хоть теперь она возьмется за ум?

Родители Рэнди сообщили, что хотят приехать из Пенсильвании к ним в Вашингтон, привезти подарки для ребенка и поздравить будущих родителей со скорым прибавлением.

Шелли была категорически против их приезда. Но Рэнди стоял на своем. Они едут – и это не обсуждается. Когда супруги Ривардо наконец прибыли, Шелли заперлась у себя в спальне. И ни разу не показалась оттуда за все время, что родители Рэнди провели у них в гостях. Ему было очень неловко, но он постарался сделать так, чтобы семья хорошо провела время и без нее.

От этого Шелли только сильнее разозлилась.

Расплата не заставила себя ждать. Родители привезли им в подарок детские книги, оставшиеся после младшего братика Рэнди, но те куда-то подевались. Рэнди нигде не мог их найти. Шелли говорила, что понятия не имеет, что с ними случилось. Они перерыли весь дом, но так ничего и не нашли.

После того как родные Рэнди уехали, он решил попробовать домашние конфеты, которые прислал ему дед. Тот готовил их тысячу раз. Рэнди откусил кусочек и тут же выплюнул. На вкус – сплошная соль. Он позвонил деду сообщить, что тот напутал с рецептом. Старик не мог понять, что не так, – все остальные родственники ели конфеты, и те были очень вкусные. Единственная плохая порция оказалась в коробке, предназначавшейся для Бэттл-Граунд.

Когда выяснилось, что сестра Рэнди забыла у них дома кое-какие недавно купленные вещи, Шелли предложила отправить их ей по почте. Посылка пришла нетронутой. А вот ее содержимое – не совсем. Кто-то ножницами изрезал всю одежду.

Шелли сказала Рэнди, что понятия не имеет, как такое произошло. «Наверняка это кто-то на почте», – пожалала она плечами.

Часть вторая

Сестры. Никки и Сэми

Глава седьмая

Love Will Keep Us Together дуэта Капитан и Тенниль и Jive Talkin' Би-Джиз играли на повторе в кассетнике Шелли Ривардо, когда в феврале 1975 года ее дочь Никки появилась наконец на свет. Шелли никак не могла дождаться родов. Уже много недель она жаловалась на неудобства, связанные с беременностью, и на то, что навсегда лишится прежней фигуры.

Похожая на мать как две капли воды Никки была красивейшим в мире ребенком. Все так говорили, включая Шелли, считавшую дочку идеальным продолжением самой себя. Она только и говорила о том, какое это счастье – быть матерью. Какие у нее большие планы на счет будущего Никки. Те, кто знал Шелли ближе, воспринимали ее слова скептически, но все-таки надеялись, что ребенок заставит ее повзреть.

Вместо того чтобы вернуться с младенцем домой в Бэттл-Граунд, Шелли решила, что для Никки будет лучше сначала немного пожить в шумном доме ее родителей в Ванкувере. Лара не понимала, обусловлено ли это решение равнодушием Шелли или, наоборот, заботой о ребенке. За исключением своего катастрофического опыта в качестве няньки, когда Шелли присматривала за соседскими детьми в Худспорте, больше она никогда не занималась малышами.

«Думаю, она и младенца на руках ни разу не держала», – говорила позднее Лара.

Сама она была полной противоположностью падчерице. Лара была создана для материнства и очень обрадовалась, став бабушкой. Впервые ощутив, как Никки пинается у Шелли в животе, Лара прозвала ее Топотушкой, как зайца из мультфильма про Бемби, и с того самого момента полюбила всей душой.

Лара думала, что Шелли с ребенком побудут у них несколько дней, но прошло три месяца, пока Рэнди наконец не явился и не увез их обратно в Бэттл-Граунд.

Лара каждый день ездила навещать внучку. «Я ей не доверяла», – говорила она, имея в виду Шелли.

Рэнди тоже не доверял жене. Скандалы в семье Ривардо вспыхивали все чаще. Жена перестала пускать его ночевать домой. Все, что он зарабатывал, Шелли тратила на свои прихоти, не заботясь о нуждах семьи.

Однажды он сказал Ларе то, что она запомнила на долгие годы. «Шелли хорошо обращается со мной, только когда рядом другие люди».

Рэнди спал в своей машине – теперь практически ежедневно. Шелли нужна была только его зарплата, которую она требовала аккуратно передавать ей каждую

пятницу. Он зарабатывал немного. Совсем немного. Даже с учетом того, что им не приходилось платить за жилье, денег все время не хватало. Шелли, привыкшая добиваться своего, пожаловалась отцу, и Лес Уотсон устроил так, чтобы деньги Рэнди доставлялись сразу его дочери. «Так они хотели привязать меня к ней», – говорил Рэнди позднее.

Очень скоро Рэнди понял, что дальше так продолжаться не может, – он очень любил Никки, но видел, что их брак, который и раньше не был особо крепким, теперь рушится на глазах.

Лара не винила Рэнди за то, что он бросил семью и ушел от ее падчерицы. Никто не винил, кроме самой Шелли.

Родители прислали Рэнди деньги на билет, и он уехал из Вашингтона – от Шелли – при первой же возможности. «Мне хотелось все начать с чистого листа», – говорил он. Тем не менее, когда две недели спустя Шелли позвонила ему в родительский дом и стала уговаривать помириться, Рэнди согласился, чтобы они с Никки приехали и поселились с ним и его семьей. Он скучал по дочери и беспокоился за нее больше, чем за их отношения с Шелли.

Воссоединение продлилось всего две недели. «Даже мои бабушка и дед были в шоке от ее поведения. Она вела себя так, что я понял – остается только развестись».

Шелли оплатила тем, что начала скупать все подряд и отправлять Рэнди чеки. Он оказался по уши в долгах, но ей было наплевать. Рэнди отослал ей чек на возмещение налогов, который следовало подписать им обоим, сказав, что эти деньги пойдут на выплату сделанных ею долгов. Но ничего не вышло. Шелли обманула Рэнди и попросила кого-то подделать его подпись.

Она обналичила чек и оставила деньги себе.

А потом внезапно пропала. Лара обзванивала родственников и знакомых. Всех, кого могла вспомнить. Она волновалась за ребенка.

«Я раз за разом набирала номер Шелли, – говорила она. – Но никто не отвечал. Я повсюду разыскивала ее. Пыталась увидеться с ней, но ее не было дома, и телефон не отвечал. Она перестала притворяться любящей матерью. Устроилась

работать официанткой в бар на Мейн-стрит в Ванкувере, и ей, похоже, этого хватало».

По прошествии некоторого времени родственница из Бэттл-Граунд сказала Ларе, что лучше ей приехать и забрать Никки, за которой та присматривала.

- Шелли уехала.

- Куда? - спросила Лара.

- Я не знаю.

- И когда она вернется?

- Тоже не знаю.

Шелли действительно куда-то пропала. Никто не знал, где она и что делает, но, честно говоря, в ее отсутствие Уотсонам жилось гораздо лучше. Меньше скандалов. Меньше волнений. Меньше всех тех вещей, от которых у ее близких постоянно сжималось сердце.

Прошел почти год, прежде чем Шелли вернулась, чтобы забрать дочь у Лары. Она никак не объяснила свое отсутствие. Просто явилась к ним домой и забрала Никки. Лара очень любила девочку. Хотела оставить ее себе - отобрать у Шелли, удочерить и вырастить в любви и заботе.

Лара была готова на все, чтобы сохранить связь с внучкой.

В 1978 году, когда Никки было три года, ее мать в стихах описала свои чувства к дочери.

Шелли поставила сердечки вместо точек над буквой *i* и под восклицательными знаками - они символизировали ее безграничную преданность малышке. Она писала о том, как личико Никки приносит радость в ее уныло тянущиеся дни.

«Мордашка, милее которой нет... и смех... как лесной ручеек...

Славная ямочка на подбородке... волос золотое руно...

И глазки – большущие, карие... что ярко от смеха блестят».

Были там и забавные наблюдения:

«...она уже у меня в шкатулке! О нет, в кошельке! Ой, помада!

Проказница снова придумала что-то, и выходке очень рада».

Завершала Шелли так:

«О Никки, хоть время летит все быстрее, но наша любовь навечно!»

В то время Шелли разыгрывала сценарий «мы с дочкой против всего мира». Она говорила Никки, что отец их бросил, а бабушка и бабушка с отцовской стороны совсем ее не любят. При этом Шелли держала девочку в объятиях и смотрела на нее полными слез глазами, но потом добавляла, что это не страшно, потому что сама она очень-очень ее любит.

Естественно, все это оказалось ложью. Годы спустя Никки нашла целую кипу писем от отца и его родителей, а еще узнала, что они всегда отправляли ей подарки на день рождения и на Рождество, но мать срывала с них именные бирки и говорила, что это от нее.

Лара и Лес беспокоились, что Шелли оставляет ребенка одного, уходя из дома, поэтому часто заезжали в ее квартиру в Ванкувере, чтобы проверить, как у Никки дела. Однажды они встретили там Дэнни Лонга, который жил через лестничную клетку от Шелли. Лара знала мать Дэнни, потому что та частенько играла в боулинг в «Тайгер-Лейнс». Дэнни был худой, с длинными темными волосами и обаятельной улыбкой. Он сказал, что у него есть ключи от квартиры соседки.

«Наверное, вы близко знакомы с моей дочерью, раз она оставила вам ключи», – заметил Лес. Дэнни пробормотал в ответ что-то неразборчивое и впустил их в квартиру.

Шелли и Никки там не было, но Уотсонам попала на глаза коробка, полная вещей, украденных из их домика на Маунт-Худ, а также связки ключей от их дома и их машин, пропавшие у Лары из сумочки несколько недель назад.

Вскоре после этого Шелли и Дэнни переехали в дом в Бэттл-Граунд, который бабушка Анна давно обещала своей любимой внучке. Шелли была уже беременна вторым ребенком. Они поженились в маленькой часовне близ здания суда в Ванкувере 2 июня 1978 года. В свои двадцать четыре года Шелли второй раз была замужем. Пару месяцев спустя, в августе 1978-го, на свет родилась Саманта. Она была очень хорошенькая – блондинка с большими выразительными глазами.

Дэнни хорошо обращался с девочками, но давил на Шелли сильнее, чем она привыкла. Парочка постоянно скандалила и дралась. Тарелки, летающие по воздуху. Крики. Хлопанья дверью. Бесконечные истерики. Один раз, когда Лара была у них в гостях – довольно редкий случай, – она заметила следы кулака на оштукатуренной стене. Вроде бы, подозрение должно было в первую очередь пасть на Дэнни, но в действительности Лара не была уверена, кто из взрослых мог так ударить в стену, что там остались вмятины.

Брак Шелли с Дэнни был таким же шатким, как с Рэнди, и закончился так же. Когда Дэнни после ссор сбегал из дома, чтобы немного остыть и прийти в себя, Шелли сажала детей в машину и ехала его искать.

Позднее ее семья вспоминала, что ей всегда нравилось кого-нибудь преследовать.

С появлением Дэнни Шелли потребовала, чтобы Никки называла его папой.

И Никки послушалась. Когда настало время записывать ее в школу, Шелли указала в документах фамилию своего нового мужа. Никаких формальностей – хватило просто ее слова, мол, она создала новую счастливую семью. И все.

Спустя пять лет после свадьбы с Дэнни Шелли позвонила отцу и сказала, что ей нужны деньги для развода. Пожаловалась, что Дэнни ей изменяет. Как обычно, Лес не стал спорить. Ради Шелли все что угодно.

На дворе был 1983 год, и в свои двадцать девять лет Шелли закрутила новый роман.

«Я всегда считала Дэнни своим отцом», – вспоминала позже Никки. Но Шелли, стоило ей избавиться от Дэнни, положила глаз на симпатичного Дэйва Нотека.

«Помню, как мама привела его к нам домой в Бэттл-Граунд и сказала, что это наш новый папа. Я ненавидела его, потому что любила Дэнни. А потом ни с того ни с сего мы вдруг переехали в Реймонд».

Даже теперь Никки не может избавиться от воспоминания, которое преследует ее, подобно призраку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/olsen_gregg/ne-govori-nikom-u-real-naya-istoriya-sester-vyrosshih-s-mater-yu-ubiycy

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)